

—
С этого дня Цюй Лянь и Янь Чангэ поселились в старом поместье. В этом доме, с любовью обустроенном дедом, удивительным образом сочетались дух старины и современные удобства.

Поместье было огромным и делилось на восточный и западный дворы. Восточный двор прошел реконструкцию: сохранив внешне древний облик, внутри он ничем не отличался от современного жилья. Было забавно видеть холодильники и стиральные машины в комнатах с традиционным декором — такой союз прошлого и настоящего выглядел крайне любопытно. Западный же двор остался нетронутым. По задумке Цюй И, обычно все жили в восточном крыле, но когда отпрыскам семьи Цюй требовалось практиковать боевые искусства, закалять характер и терпение, они переселялись в западное. Там всё приходилось делать вручную — даже чтобы поест, нужно было сначала самому наколоть дров.

Цюй Лянь заметил, что Янь Чангэ полюбил это поместье. Он часто смотрел на него взглядом... как на старого друга, а порой даже что-то шептал несущим балкам восточного двора, что приводило Цюй Ляня в полное недоумение.

«Тебе, кажется, очень нравится этот дом?» — внезапно спросил Цюй Лянь.

Янь Чангэ слегка улыбнулся: «Верно. Я чувствую, что мы с этим домом очень похожи».

Цюй Лянь: «...Объясни мне с научной точки зрения, почему ты считаешь, что у тебя, живого существа, есть сходство с неодушевленной постройкой?»

Под влиянием Янь Чангэ Цюй Лянь и сам начал невольно использовать в речи научную терминологию и логику.

Янь Чангэ ответил: «Разумеется, сходство не на уровне атомов или молекул, а... в ощущениях. И он, и я пришли из глубокой древности. Войдя в современное общество, мы отсекаем лишнее и оставляем суть, сохраняя достоинства старины и впитывая прогресс современности. Мы и не древние, и не современные — мы их сплав, союз двух эпох».

Когда он произносил это, Цюй Лянь почувствовал исходящую от него ауру бесконечной дистанции. Этот человек стоял прямо перед ним, но казался бесконечно далеким — расстояние, которое можно видеть, но невозможно преодолеть. Цюй Ляню вдруг показалось, что Янь Чангэ не принадлежит этому миру... нет, не принадлежит человечеству вообще. Словно он одной природы с этими колоннами или с мечом Сюаньин в подвале.

Цюй Лянь не был склонен к меланхолии и литературным терзаниям. Почувствовав, что Янь Чангэ «отдаляется», он без колебаний обхватил его сзади за талию и сказал: «Какой еще союз эпох? Колонны времен Сун давно сгнили, их меняли сотни раз. Эти балки дед поставил тридцать лет назад: снаружи дерево, а внутри — железобетон, ничего древнего в них нет. А ты — ты просто раньше не знал современных наук, а теперь стал «ученым тираном» и изводишь нас своим интеллектом, сыплешь формулами круче профессора. Ну и где тут сходство с колонной?»

Янь Чангэ, терзавшийся мыслями о завтрашнем Грозном Испытании, лишь на мгновение поддался чувствам, глядя на перестроенный восточный двор. Он и не думал, что этот беспечный парень Цюй Лянь так чутко уловит его мимолетную печаль. Цюй Лянь родился в богатстве и, несмотря на трагическую гибель родителей, рос под опекой дяди. Такие

изнеженные дети обычно не слишком внимательны к чувствам окружающих. К тому же Янь Чангэ был скрытен. И всё же Цюй Лянь всегда угадывал его настроение.

Наверное, это возможно только когда человек тебе по-настоящему дорог и твой взор постоянно обращен на него.

От этой мысли в «сердце меча» стало тепло. Он словно вернулся в те времена, когда еще был метеоритным железом. Он не собирался становиться оружием, оставаясь непоколебимым в горниле огня. Но когда горячая кровь влилась в пламя, его сердце мгновенно смягчилось, он начал плавиться и принимать форму согласно воле хозяина крови.

Он родился, ответив на ожидания двух великих мастеров меча. За две тысячи лет он видел бесконечное количество жизней и смертей, но единственное, перед чем он не мог устоять — это ожидания хозяина.

Когда хозяин с надеждой сжимал его эфес, он отвечал на этот призыв, являя мощь божественного оружия, сокрушающего любые преграды.

И сейчас он ясно чувствовал ожидания Цюй Ляня — надежду на то, что они всегда будут вместе. Цюй Лянь не жаждал вечности, он лишь хотел быть с Янь Чангэ столько, сколько ему отведено жизни. Так просто.

Но впервые в жизни Янь Чангэ не мог ответить на эти ожидания.

Почувствовав, что обычно твердая рука Янь Чангэ слегка дрогнула, Цюй Лянь перехватил её и спросил: «Что с тобой происходит в последнее время? С тех пор как мы вернулись со съемок, ты сам не свой».

Янь Чангэ обернулся, но промолчал.

«Ты не можешь мне сказать?» — взгляд Цюй Ляня был полон боли. Как бы сильно он ни старался удержать этого человека, тот ускользал.

«Я...» — Янь Чангэ с трудом разомкнул губы, не зная, с чего начать. Признаться возлюбленному, что ты — меч, было невероятно трудно. Но видя такой взгляд Цюй Ляня, ответственный Янь Чангэ не мог позволить себе просто исчезнуть, ничего не объяснив.

В пять лет и в пятнадцать лет Цюй Лянь терял близких — родителей и брата. Если в двадцать пять он потеряет еще и любимого, останется ли он таким же сильным?

Как бы то ни было, даже скрыв свою истинную суть, он должен дать Цюй Ляню объяснение. Нельзя уходить молча.

Янь Чангэ не колебался долго — в конце концов, он был прямолинейным существом. Он крепко сжал руку Цюй Ляня и тяжело произнес: «Мне предстоит пройти через испытание Небесной Скорбью».

«Небесная Скорбь?» — Цюй Лянь был шокирован, но не выказал сомнения. Всё, что Янь Чангэ демонстрировал раньше, не вписывалось в рамки обычного мастера боевых искусств — он скорее походил на заклинателя-практика. — «То, что пишут в романах о совершенствовании... это правда?»

Янь Чангэ кивнул: «Раньше — да. Но сейчас... боюсь, я остался последним практиком в этом

мире. Когда наука заменила суеверия, а духовная энергия земли превратилась в мировые энергоресурсы, практиков становилось всё меньше. А я... я, пожалуй, исключение. Я практикую «научное совершенствование», найдя иной путь — поглощение электроэнергии».

«Это испытание... ты собираешься вознестись на небеса?» — Цюй Лянь не читал много романов и не знал, что каждый этап культивации требует испытаний; он думал, что, пройдя испытания, можно достичь вознесения.

Янь Чангэ ущипнул его за щеку и тихо рассмеялся: «Если бы всё было так просто. Я лишь обычный практик, даже не сформировавший «Золотое ядро». Я лишь краем глаза вижу великий путь, до истинного результата еще бесконечно далеко».

«Тогда... это опасно?» Мысли Цюй Ляня были в смятении. Вопросов было много, но самым важным оставался один.

Будь то вознесение или смертельная угроза — оба варианта означали, что Янь Чангэ может его покинуть.

Янь Чангэ посмотрел в его полные тревоги глаза, протянул руку и закрыл ими веки Цюй Ляня, погружая его в темноту. Затем он наклонился и нежно коснулся его губ.

Это был легкий, но бесконечно тягучий поцелуй — без яростного сплетения языков, но сладкий и липкий, как карамель. Сколько бы раз они ни отстранялись, они снова сливались воедино. Слово они изначально были частями одного целого.

Когда этот долгий поцелуй закончился, Цюй Лянь в темноте услышал одно-единственное слово, повергшее его в отчаяние:

«Да».

«Насколько?» — он беспомощно вцепился в одежду Янь Чангэ, надеясь, что тот, как обычно, уверенно скажет, что это пустяки.

«Девять смертей и ни единого шанса на выживание», — вздохнул Янь Чангэ. — «Мой прежний путь не принимается законами Дао. Позже я старался творить добро и копить заслуги, но набранных заслуг не хватит, чтобы покрыть и одной десятитысячной моих прошлых грехов. Даже сейчас, когда духовная энергия в мире скудна, накопленной для удара силы молнии хватит, чтобы лишить меня жизни».

Цюй Лянь с силой оттолкнул руку Янь Чангэ и серьезно посмотрел на него: «Я не совсем понимаю твои слова, но одно я усвоил: за плохие дела бьет молния, а хорошие могут это исправить, так? Я сейчас же пойду творить добро! Я пожертвую все свои деньги, мне ничего не нужно, мне нужен только ты!»

«Не глупи», — Янь Чангэ нежно обнял Цюй Ляня, который уже потянулся за телефоном, чтобы начать разбрасываться миллионами. — «Даже если ты потратишь всё до копейки, это будут твои заслуги, они не зачтутся мне. К тому же мои грехи... или, скажем так, моя негативная энергия — это не то, что решается парой добрых дел. Понадобится сотня лет, может тысяча, а может и десять тысяч... В конце концов, человеческая жизнь священна, и её отнятие — величайший грех».

«Должен быть способ!» — Цюй Лянь изо всех сил сжал руки Янь Чангэ. — «Ты всегда такой всемогущий, как ты можешь смириться с судьбой? Ты же сам говорил, что наука может решить

любую проблему! Ты сказал «молния» — разве наука не победила молнию? Можно сделать заземление, громоотвод, увести разряд в землю!»

«Это моё личное испытание, от него нельзя укрыться», — ответил Янь Чангэ. — «Более того, я обязан принять удар, иначе не смогу переродиться».

«Тогда... а если принять чуть меньше?» — Цюй Лянь от волнения начал заговариваться. — «Электричество же имеет разную силу! Нельзя как-то ослабить удар?»

«Если бы у меня был магический артефакт, я мог бы защититься — это разрешено законами Дао, но... Постой, что ты сказал про проводники?» — в голове Янь Чангэ вдруг вспыхнула искра. Он вспомнил, как в школьном учебнике физики читал о сверхпроводниках. В программе для экзаменов этого почти не было, лишь одна фраза, и он не стал углубляться. Ему приходилось учить слишком много, и он фокусировался на главном. О сверхпроводимости он еще не успел навести справки.

Он сам был проводником и притягивал молнии сильнее обычных людей. Но если человечество уже открыло вещества с нулевым сопротивлением — идеальные проводники — то это же полезнее любого магического артефакта!

Он помнил, что сверхпроводимость применяется в кабелях и трансформаторах для передачи энергии без потерь. Конечно, в этом мире нет ничего абсолютно совершенного, и сверхпроводник не выдержит прямого удара такой мощи. Но если использовать сверхпроводник, чтобы отвести часть разряда в землю, а самому принять лишь ту долю, что останется... С его уровнем сил он вполне мог бы выдержать остаток разряда, и при этом эффект перерождения сохранится!

«Ты прав!» — глаза Янь Чангэ наполнились надеждой. Он крепко сжал руки Цюй Ляня: «Мы не должны отчаиваться. Наука может решить любые трудности. Мы должны верить в науку и искать спасение в ней!»

—

<http://bllate.org/book/14517/1285746>